

НАУКА УГОЛОВНАГО ПРАВА,
ЕЯ ПРЕДМЕТЪ, ЗАДАЧИ, СОДЕРЖАНІЕ И ЗНАЧЕНІЕ.

А. А. Пшонниковскаго,
Профессора Демидовскаго Юридическаго Лицея.

ЯРОСЛАВЛЬ.
Типо-Литографія Э. Г. Фалькѣ.
1895.

Печатано по опредѣленію Совета Демидовскаго Юридическаго Лицея.
Директоръ С. Шилевскій.

Издано въ 1882 году

Въ Демидовскомъ Юридическомъ Лицеѣ

1882

НАУКА УГОЛОВНАГО ПРАВА, ЕЯ ПРЕДМЕТЪ, ЗАДАЧИ, СОДЕРЖАНІЕ И ЗНАЧЕНІЕ ¹⁾.

Милостивые Государы!

Открывая курсъ лекцій по уголовному праву, считаю необходимымъ въ настоящей вступительной лекціи остановить Ваше вниманіе на уясненіи предмета, содержанія, задачъ и значенія науки уголовного права.

Всякая наука занимается изученіемъ той или иной определенной серіи міровыхъ явленій; всякая наука стремится къ раскрытію естественныхъ законовъ, управляющихъ изучаемыми ею явленіями, къ уясненію причинъ, обуславливающихъ собою бытіе, ростъ и развитіе этихъ явленій; всякая наука заботится о приспособленіи добываемыхъ ею результатовъ къ нуждамъ и потребностямъ человѣчества.

Таковъ характеръ присущъ и современной наукѣ уголовного права. Какого бы то ни было исключенія въ этомъ отношеніи она не представляетъ. Наука уголовного права принадлежитъ къ семьѣ наукъ соціальныхъ. Не безъ основанія она называется нѣкоторыми изслѣдователями уголовной соціологіей²⁾.

¹⁾ Вступительная лекція, читанная въ Демидовскомъ Юридическомъ Лицѣ 15-го сентября 1895 г.

²⁾ Примѣч. По воззрѣніямъ Ферри, одного изъ видныхъ представителей современной позитивной школы уголовного права, наука объ обществѣ—соціологія—подраздѣляется, сообразно характеру изучаемыхъ ею явленій, на нѣсколько

Принадлежа къ семьѣ наукъ соціальныхъ, наука уголовного права оперируетъ надъ опредѣленной серіей явленій общественной жизни.

Какія же это явленія?

Не все въ общественной жизни свершается для блага общества и входящихъ въ составъ его единицъ. Дѣятельность каждаго члена общежитія можетъ выражаться, да и выражается въ крайне разнообразныхъ формахъ: она то способствуетъ общественному благу и благополучію, то содѣйствуетъ его разрушенію и уничтоженію; она то покоится на разумномъ уваженіи къ интересамъ ближнихъ, то воплощается въ себѣ попирающій все и вся и незнающій какихъ бы то ни было границъ грубый эгоизмъ.

Защитѣ и охранѣ индивидуальныхъ и коллективныхъ интересовъ отъ такой разрушительной и вредоносной дѣятельности и служить право ¹⁾, которое, возводя жизненные интересы общежитія на степень правовыхъ, регулируетъ путемъ нормъ, носящихъ принудительный характеръ, отношенія людей другъ къ другу и къ цѣлому общежитію, намѣчаетъ тотъ путь, по которому можетъ и должна быть направляема,

спеціальныхъ отраслей, наприм., на соціологію экономическую, политическую и проч.; одной изъ такихъ отраслей и представляется уголовная соціологія, или наука уголовного права (см. Henri Ferri, *La Sociologie Criminelle*. Paris, 1893. стр. 576). Быть можетъ, это подраздѣленіе и эта принимаемая Ферри терминологія вполнѣ правильны и вполнѣ соответствуютъ своему назначенію, тѣмъ не менѣе пользоваться этой терминологіей пока я считаю неудобнымъ, такъ какъ это пользование можетъ повести къ цѣлой серіи недоразумѣній: современная мысль свѣкла съ такими терминами, какъ наука гражданского права, наука государственнаго права, наука уголовного права, да и наконецъ подъ уголовной соціологіей многими изъ современныхъ изслѣдователей (Листъ, Гарро, Гуаклеръ и др.) не рѣдко разумѣется лишь одна изъ отраслей науки уголовного права.

¹⁾ „Alles Recht ist um der Menschen willen da. Es bezweckt den Schutz menschlicher Lebensinteressen. Interessenschutz ist das Wesen des Rechts; der Zweckgedanke die das Recht erzeugende Kraft“, справедливо замѣчаетъ профессоръ Листъ (см. *Его, Lehrbuch des Deutschen Strafrechts*, VI Auflage, 1894, стр. 10).

въ интересахъ достиженія общечеловѣческаго счастья, дѣятельность каждаго лица, входящаго въ составъ общежитія ¹⁾).

Дѣятельность челоуѣка, попирающая эту правовую регуляцію, несоотвѣтствующая правовымъ нормамъ, представляется не рѣдко особенно опасной для правомъ защищаемыхъ и охраняемыхъ жизненныхъ интересовъ общежитія, вслѣдствіе чего и нуждается въ особой спеціальной реакціи, въ особомъ со стороны общества противодѣйствіи, да и вызываетъ таковое. Такая вредоносная дѣятельность именуется дѣятельностью преступной, преступленіемъ.

Изученіемъ этой противуобщественной дѣятельности, этого паталогическаго общественнаго явленія, и связаннаго съ нимъ общественнаго противодѣйствія, словомъ, изученіемъ борьбы общества съ преступной дѣятельностью и занимается наука уголовного права.

Что обусловливаетъ собою проявленіе этой дѣятельности, ея ростъ и развитіе? какіе естественные законы управляютъ этой дѣятельностью? какія причины её вызываютъ?— вотъ вопросы, надъ разрѣшеніемъ которыхъ, изучая преступную дѣятельность, и трудится наука уголовного права. Разрѣшеніемъ этихъ вопросовъ однако она не ограничивается и не можетъ ограничиться, такъ какъ этимъ разрѣшеніемъ не исчерпывается всестороннее изученіе борьбы общества съ преступной дѣятельностью. Преступленіе есть зло, а отъ всякаго зла слѣдуетъ стремиться, по мѣрѣ силъ и возможности, избавиться. Наука уголовного права, какъ наука, по преимуществу, практическая, не можетъ обойти вопроса объ этомъ избавленіи молчаніемъ. Она заботится объ установленіи средствъ, объ указаніи путей для этого избавленія. Останавливаясь на изученіи этихъ средствъ, этихъ путей, она направляетъ свои усилія на цѣлесообразное построеніе мѣръ борьбы съ преступностью. Выполненіемъ этой задачи, уясненіемъ выше намѣченныхъ вопросовъ и исчерпывается все ея содержаніе.

¹⁾ Срав. R. Garraud, Précis de Droit Criminel, V Édition, 1895, стр. 6.

Такимъ образомъ, *подъ наукой уголовного права разумется наука, занимающаяся изученіемъ преступной дѣятельности, раскрытіемъ естественныхъ законовъ, обуславливающихъ собою эту дѣятельность, и изученіемъ и установленіемъ средствъ и способовъ борьбы съ этой дѣятельностью.*

Наука уголовного права—наука сложная. Въ современномъ своемъ очертаніи она распадается на нѣсколько тѣсно другъ съ другомъ связанныхъ отраслей. Она раздѣляется на 1) криминалогію, 2) уголовную политику и 3) уголовную догматку.

Въ интересахъ болѣе подробнаго ознакомленія съ содержаніемъ науки уголовного права и преслѣдуемыми ею задачами, слѣдуетъ остановиться на обрисовкѣ каждой изъ этихъ отраслей въ отдѣльности.

1. Криминалогія.

Подъ криминалогіей¹⁾ разумется та отрасль науки уго-

¹⁾ Примѣч. Я употребляю терминъ „криминалогія“ въ томъ значеніи, какой придаетъ ему *Листъ* въ послѣднемъ (шестомъ) изданіи своего учебника (стр. 54). Нельзя однако незамѣтить, что до настоящаго времени наука уголовного права не выработала точной терминологіи для обозначенія входящихъ въ ея составъ отраслей. Не рѣдко въ литературѣ для обозначенія ученія, называемаго мною криминалогіей, употребляютъ терминъ „уголовная социологія“ или „уголовная антропологія“. Употребленіе термина „уголовная социологія“ въ особенности распространено во французской литературѣ (Гуаклеръ, Гарро и др.), при чемъ гдѣ-то этому термину придается иногда болѣе широкое значеніе, чѣмъ то, которое я придаю термину „криминалогія“ (см. Garraud, Précis de Droit Criminel, V Edition, 1893. стр. 8, *Ето же*, Traité théorique et pratique du Droit Pénal Français, стр. 9). Да и наконецъ *Листъ* въ своихъ работахъ не рѣдко пользуется терминомъ „уголовная социологія“ для обозначенія ученія названнаго мною криминалогіей (см. Mitteilungen der Internationalen Kriminalistischen Vereinigung, IV Band, Mai 1893. стр. 129), а Ферри пользуется терминами „уголовная антропологія“ и „уголовная статистика“. Мнѣ кажется, что терминъ „криминалогія“ этимологически наиболѣе соотвѣтствуетъ своему назначенію, терминъ же „уголовная антропологія“ представляется слишкомъ узкимъ, такъ какъ криминалогическія изысканія не могутъ ограничиться одними антропологическими экскурсіями, а терминъ „уголовная социологія“—слишкомъ широкимъ, такъ какъ всякому уголовно-правовому изслѣдованію присущъ социологическій характеръ.

ловнаго права, которая занимается изученіемъ преступной дѣятельности, какъ явленія соціального, установленіемъ естественныхъ законовъ, обуславливающихъ собою образованіе и развитіе этой дѣятельности.

Криминалогическія изслѣдованія покоятся на детерминистическихъ началахъ, на признаніи господства закона причинности въ процессѣ проявленія и образованія изслѣдуемыхъ ими явленій.

Несмотря на свою сравнительную юность, эти изслѣдованія успѣли до настоящаго времени обогатить науку въ высшей степени драгоцѣнными результатами. Они установили зависимость преступной дѣятельности отъ взаимодействія двухъ факторовъ: 1) индивидуальныхъ особенностей преступнаго люда (индивидуальный факторъ) и 2) условій внѣшней среды, способствующихъ развитію, образованію и проявленію во внѣ этихъ особенностей (физико-соціальный факторъ), и тѣмъ самымъ указали тѣ два пути, на которыя должна быть направлена дѣятельность, имѣющая цѣлью борьбу съ преступностью.

Эти изслѣдованія успѣли дать богатый матеріалъ къ пониманію характера и особенностей факторовъ преступной дѣятельности и тѣмъ самымъ установить тѣ основы, которыя должны служить руководящимъ началомъ при цѣлесообразномъ построеніи средствъ борьбы съ преступностью.

Уголовно-антропологическія изысканія, занимающіяся изученіемъ индивидуальнаго фактора преступленія, преступнаго человѣка, освѣтили и уяснили характеръ и особенности преступнаго міра.

Разсѣявъ иллюзіи піонеровъ въ области уголовной антропологии о существованіи антропологическаго типа прирожденнаго преступника, эти изысканія разсѣяли въ то же время и иллюзію о т. н. свободѣ воли человѣка. Они установили зависимость преступной дѣятельности отъ характера

и особенностей психофизической структуры человека. Они установили разнородность преступного мира и сдѣлали попытки классификаціи преступнаго люда. Выдѣляя въ особыя группы душевно-больныхъ и юныхъ преступниковъ, въ виду присущей имъ психофизической структурѣ специальныхъ свойствъ и особенностей, эти изысканія показали, что здоровый и зрѣлый преступный людъ слагается изъ двухъ категорій: 1) лицъ, одержимыхъ хронической преступностью, лицъ, въ жизни которыхъ преступленіе представляется явленіемъ ординарнымъ, вполне соответствующимъ ихъ внутреннему укладу (преступники профессіи, привычки, натуры), и 2) лицъ, одержимыхъ острой преступностью—лицъ, въ жизни которыхъ преступленіе представляется явленіемъ случайнымъ, эпизодичнымъ.

Устанавливая зависимость преступной дѣятельности отъ взаимодействія двухъ выше указанныхъ факторовъ, криминологическія изслѣдованія не ограничиваются, да и не могутъ ограничиться одними только уголовно-антропологическими экскурсіями. Они предпринимаютъ и уголовно-соціологическія изысканія.

Пользуясь статистическимъ методомъ, эти изысканія¹⁾ направляютъ свои усилія на изученіе характера и особенностей физико-соціального фактора преступной дѣятельности и устанавливаютъ зависимость бытія преступной дѣятельности отъ условій внѣшней среды—климатическихъ, почвенныхъ, соціальныхъ, экономическихъ, состоянія законодательства, карательныхъ учрежденій, народнаго образованія и проч. Они, при посредствѣ изученія генезиса преступной дѣятельности въ каждомъ конкретномъ случаѣ, указываютъ на могучее вліяніе условій внѣшней среды и въ процессѣ

¹⁾ Примѣч. Уголовно-соціологическія изысканія не рѣдко обозначаются именемъ уголовной соціологіи въ отличіе отъ уголовно-антропологическихъ изысканій, обозначаемыхъ именемъ уголовной антропологіи.

образования самаго индивидуальнаго фактора преступленія, преступной личности; не отрицая значенія наслѣдственности въ этомъ процессѣ, но и не преувеличивая этого значенія, они признають доминирующее значеніе въ этомъ процессѣ за условіями внѣшней среды, главнымъ образомъ, условіями социальными-экономическими¹⁾.

Такимъ образомъ, по современнымъ воззрѣніямъ, условія внѣшней среды содѣйствуютъ образованію преступленій двоякимъ способомъ: они въ союзѣ съ неблагоприятной наслѣдственностью (которая, собственно говоря, есть ничто иное, какъ застывшее вліяніе предшествующихъ условій внѣшней среды) способствуютъ образованію преступныхъ натуръ; они вызываютъ и толкають человѣка въ борьбѣ за свое существованіе на путь преступленій.

Всѣ эти положенія, отрицая случайность въ процессѣ образования преступной дѣятельности, отрицають въ то же время и фатальность въ этомъ процессѣ; признавая одно лишь господство въ этомъ процессѣ закона причинности, они показываютъ, что условія, вызывающія преступную дѣятельность, не представляются неизмѣнными, постоянными: и

¹⁾ Примѣч. Вотъ что по этому поводу говоритъ Листъ въ докладѣ, представленномъ имъ на третій международный конгрессъ уголовной антропологии, имѣвшій мѣсто въ 1892 году въ Брюсселѣ: „Mais l'influence des circonstances sociales et surtout économiques sur la vie des individus commence longtemps avant leur naissance. La misère économique des parents et son cortège: l'épuisement, la maladie, l'ivrognerie, nuisent au germe avant qu'il soit fruit. Le nouveau-né apporte parfois, en venant au monde, comme seul héritage paternel, le fardeau de la neurasthénie. Remédier aux circonstances économiques défavorables, et vous sauver en même temps l'avenir des générations futures“. „Il est évident que les circonstances sociales et surtout économiques“, говорится далѣе въ томъ же докладѣ, „déterminent la marche de la criminalité d'une triple manière: a) Elles agissent sur les ancêtres du criminel et en même temps sur l'individualité innée de celui-ci; b) Elles déterminent le développement corporel et intellectuel de l'auteur du crime, c'est-à-dire son individualité acquise; c) Elles exerceront leur influence au moment de l'action“ (см. Actes du troisième congrès international d'anthropologie criminelle, Bruxelles 1893, стр. 92).

психи-физическія особенности человѣка до нѣкоторой степени подлежатъ измѣненію, и условія виѣшней среды, какъ показываетъ повседневный опытъ и исторія, подвержены постоянному измѣненію.

Такой характеръ факторовъ преступной дѣятельности указываетъ на возможность плодотворной борьбы съ этой дѣятельностью, такъ какъ измѣненіе или уничтоженіе причинъ, обуславливающихъ собою бытіе какого либо явленія, должно повлечь за собою, въ силу закона причинности, соотвѣтствующее измѣненіе въ образованіи, развитіи и проявленіи этого явленія. Пессимистическое воззрѣніе, по которому преступленіе тяготѣетъ надъ человѣчествомъ, какъ будто какой то рокъ, не находятъ для себя какого бы то ни было подтвержденія въ научныхъ изслѣдованіяхъ.

Признавая возможность плодотворной борьбы съ преступностью, наука уголовного права, опираясь на данныя криминалогіи, стремится къ цѣлесообразному построению этой борьбы, къ установленію средствъ и способовъ защиты и охраны интересовъ общества отъ преступныхъ посягательствъ.

Разрѣшеніемъ этой сложной задачи и занимается вторая изъ указанныхъ мною отраслей науки уголовного права — уголовная политика.

2. Уголовная политика.

Подъ уголовной политикой разумется та отрасль науки уголовного права, которая имѣетъ своимъ предметомъ изученія средства борьбы съ преступностью, задачею — цѣлесообразное построение этихъ средствъ¹⁾.

¹⁾ Примѣч. Терминъ „уголовная политика“, распространенный преимущественно въ нѣмецкой литературѣ, — терминъ вполнѣ установившійся; его употребленіе какихъ бы то ни было недоразумѣній вызвать не можетъ. Лишь въ своихъ лекціяхъ, читанныхъ въ позарѣ 1893 года, опредѣляетъ уголовную политику слѣдующимъ образомъ: „Kriminalpolitick in weiteren Sinne ist das auf die

Данныя криминалогін служатъ путеводною нитью для уголовно-политическихъ изысканій.

Опираясь на эти данныя и на результаты непосредственнаго изученія средствъ борьбы съ преступностью и руководствуясь интересами цѣлесообразности, уголовная политика строитъ свои положенія.

Признавая, что успешная борьба съ преступностью возможна только путемъ цѣлесообразнаго воздѣйствія на воспроизводящіе ее факторы, уголовная политика, сообразно указаніямъ криминалогін, заботится о созданіи соответствующихъ мѣръ борьбы, какъ съ индивидуальнымъ, такъ и съ физико-соціальнымъ факторами преступной дѣятельности. Она ратуетъ за измѣненіе и уничтоженіе тѣхъ неблагоприятныхъ условій внѣшней среды, которыя способствуютъ развитію преступности, ратуетъ за улучшеніе и усовершенствованіе условій общежитія. Она, далѣе, заботится объ установленіи цѣлесообразныхъ средствъ непосредственной борьбы съ индивидуальнымъ факторомъ преступной дѣятельности, съ самимъ преступнымъ лицомъ, стремится, въ интересахъ цѣлесообразнаго функціонированія этихъ средствъ, придать имъ характеръ, соответствующій особенностямъ того объекта, надъ которымъ имъ приходится оперировать, и, сообразно этимъ особенностямъ, сводитъ всѣ эти средства непосредственной

wissenschaftliche Erkenntniss der Kriminalität gestützte System der zur Bekämpfung des Verbrechens dienende Massregeln“.

Срав. *Его же* опредѣленіе уголовной политики въ *Mitteilungen der Internationalen Kriminalistischen Vereinigung*, IV Band. Mai 1893, стр. 129. „Die Kriminalpolitik“, замѣчаетъ извѣстный швейцарскій криминалистъ профессоръ Stooss (см. *его*, Was ist Kriminalpolitik, въ *Zeitschrift für Schweizer Strafrecht*, VII Jahrgang, 1894, стр. 231), „soll feststellen, welche statlichen Massnahmen geeignet sind, um dem Verbrechen vorzubeugen, und die für die Strafgesetzgebung massgebenden Grundsätze aufstellen, durch welche ein gerechter und wirksamer Schutz der statlichen Rechtsgüter möglichst gesichert wird“.

„La Politique criminelle est l'art de déterminer les mesures applicables aux faits sociaux touchant au crime, à ses causes et à ses effets“, говоритъ Гуаклеръ (см. *Bulletin de l'union internationale de Droit Pénal*, IV Volume, Février 1893, стр. 41).

борьбы съ преступностью къ тремъ группамъ: леченію, воспитанію и наказанію. Она указываетъ, наконецъ, что только совокупное примѣненіе, въ соотвѣтствующихъ предѣлахъ, всѣхъ этихъ средствъ непосредственной борьбы съ преступностью можетъ привести къ плодотворнымъ результатамъ. И дѣйствительно, только соотвѣтствующее леченіе, соотвѣтствующій режимъ, можетъ повлечь за собою выздоровленіе душевно-больнаго преступника и уничтоженіе связанныхъ съ его болѣзненнымъ состояніемъ преступныхъ наклонностей, можетъ сдѣлать опаснаго душевно-больнаго годнымъ членомъ общезитія или, по крайней мѣрѣ, на случай невозможности излеченія, служить для него пригодной формой изоляціи изъ нѣдръ общезитія; только разумное воспитаніе преступныхъ дѣтей и юношей способно возродить и видоизмѣнить ихъ внутренней міръ, способно сдѣлать изъ нихъ, въ свою очередь, годныхъ членовъ общезитія; только соотвѣтствующимъ образомъ организованное наказаніе взрослыхъ и здоровыхъ преступниковъ можетъ содѣйствовать приспособленію ихъ къ условіямъ общезитія или, во всякомъ случаѣ, поставленію ихъ въ невозможность проявлять свои преступныя наклонности, можетъ, слѣдовательно, такъ или иначе служить дѣлу защиты интересовъ общезитія отъ преступныхъ посягательствъ.

Указывая на необходимость спеціальныхъ мѣръ чисто медицинскаго свойства въ борьбѣ съ душевно-больнымъ преступнымъ людомъ, уголовная политика пользуется при организаціи этихъ мѣръ указаніями компетентныхъ въ этомъ дѣлѣ лицъ, представителей медицины. Ратуя за необходимость принудительнаго воспитанія преступнаго юношества, она призываетъ къ себѣ на помощь представителей педагогика и стремится совмѣстно съ ними къ цѣлесообразной организаціи принудительно-воспитательныхъ учреждений—исправительныхъ пріютовъ. Наконецъ, заботу о соотвѣтствующемъ

построеніи карательныхъ средствъ она всецѣло беретъ на себя и, руководствуясь указаниями криминалогіи и историческимъ опытомъ функціонированія карательныхъ средствъ, заботится о приданіи средствамъ борьбы съ хронической преступностью, въ виду свойствъ и особенностей послѣдней, главнымъ образомъ характеръ изоляціи изъ нѣдръ общежитія, съ острой — по тѣмъ же самымъ соображеніямъ — характеръ приспособленія къ условіямъ общежитія ¹⁾).

Организуя средства непосредственной борьбы съ преступностью, уголовная политика останавливается въ то же время на изученіи и установленіи способовъ примѣненія этихъ средствъ и указываетъ на необходимость, въ интересахъ дѣлесообразнаго ихъ функціонированія, проведенія при ихъ примѣненіи въ широкихъ размѣрахъ принципа индивидуализаціи. Она заботится о соответствующемъ построеніи орудій примѣненія этихъ средствъ борьбы съ преступностью — органовъ судебной и административной власти.

Изученіемъ всѣхъ этихъ вопросовъ область уголовной политики не огранчивается и ограничиться не можетъ. Изученіе средствъ борьбы съ преступностью представлялось бы неполнымъ, незаключеннымъ, если бы былъ оставленъ безъ вниманія непосредственно связанный съ этой борьбой вопросъ о судьбѣ жертвъ преступной дѣятельности, вопросъ

¹⁾ См. мою рѣчь „Уголовная политика и условное осужденіе“, Одесса, 1895. Примѣч. Организуя средства борьбы съ преступностью, устанавливая границы примѣненія того или другаго изъ этихъ средствъ, уголовная политика выдѣляетъ изъ себя спеціальную отрасль, посвященную всецѣло изученію одного изъ распространенныхъ въ современныхъ карательныхъ системахъ средствъ борьбы съ преступностью — лишенія свободы путемъ заключенія въ особо установленныя на то государственныя сооруженія, тюрезнаго заключенія въ широкомъ смыслѣ этого слова. Эта отрасль уголовной политики извѣстна подъ именемъ тюремовѣдѣнія. См. *Фойницкій*, ученіе о наказаніи въ связи съ тюремовѣдѣніемъ, 1889. *Мос.* Тюремовѣдѣніе, его предметъ, содержаніе, задачи и значеніе, Одесса, 1892 г. *Dr. Franz v. Holtzendorff und Dr. Eugen v. Jagemann*, Handbuch des Gefängniswesens, 1898.

объ устраненія причиненнаго этой дѣятельностью вреда индивидуальнымъ и коллективнымъ интересамъ общезитія. Уголовная политика останавливается на изученіи этого вопроса и указываетъ на необходимость организаціи специальныхъ мѣръ вознагражденія лицъ потерпѣвшихъ отъ преступной дѣятельности.

Примѣненіе всѣхъ этихъ средствъ борьбы съ факторами преступной дѣятельности всегда сопровождается вторженіемъ въ сферу правомъ охраняемыхъ благъ челоуѣка, измѣненіемъ его правовыхъ отношеній, влѣдствіе чего процессъ этого примѣненія и условія его примѣненія, въ интересахъ защиты правъ личности отъ насилія и произвола, должны быть облечены, да и облакаются въ особую правовую форму, должны подлежать специальной правовой регуляціи.

Изученіемъ и установленіемъ этой регуляціи, этой правовой формы, и занимается третья изъ указанныхъ мною отраслей науки уголовного права—уголовная догматика.

3. Уголовная догматика.

Уголовная догматика имѣетъ предметомъ своего изученія тѣ правовыя нормы, въ которыя облекается борьба съ преступностью, задачею—построеніе этихъ нормъ соотвѣтственно цѣлямъ этой борьбы и потребностямъ защиты и охраны правъ личности отъ возмознаго насилія и произвола. Однако она не занимается всесторонней регуляціей этой борьбы. Въ виду того, что мѣры борьбы съ физико-соціальнымъ факторомъ преступной дѣятельности затрогиваютъ разнообразныя стороны общественной жизни—политическую, экономическую и проч., регуляція примѣненія этихъ мѣръ относится къ тѣмъ отраслямъ общественнаго знанія, которыя занимаются изученіемъ этихъ сторонъ общественной жизни, каковы государственное право, гражданское право, полицейское право; отъ этихъ отраслей общественнаго знанія слѣдуетъ

ожидать и требовать такой регуляціи общественныхъ отношеній, которая бы соотвѣтствовала требованіямъ уголовной политики; уголовной же догматикѣ регуляціей этихъ отношеній заниматься не за чѣмъ; она занимается только регуляціей отношеній, возникающихъ по поводу непосредственной борьбы съ индивидуальнымъ факторомъ преступной дѣятельности.

Совокупность нормъ, регулирующихъ эту борьбу, образуетъ изъ себя уголовное право въ широкомъ смыслѣ этого слова. Уголовное право и является предметомъ изученія уголовной догматики. Уголовное право не представляетъ изъ себя нѣчто постоянное, неизмѣнное. Оно растетъ, развивается. Современной формой его выраженія представляется уголовный законъ (значеніе обычнаго уголовного права въ настоящее время почти сведено къ нулю). Уголовная догматика и занимается изученіемъ этой выработанной историческимъ процессомъ регуляціи уголовно-правовыхъ отношеній.

Изучая эту регуляцію въ ея статическомъ и динамическомъ отношеніи, обобщая и систематизируя воплощенія въ ней положенія, уголовная догматика подвергаетъ критикѣ эти положенія съ точки зрѣнія требованій уголовной политики и заботится о приданіи имъ характера соотвѣтствующаго этимъ требованіямъ¹⁾.

Изучая уголовно-правовую регуляцію, она стремится установить и опредѣлить условія, при наличности которыхъ возможно примѣненіе средствъ непосредственной борьбы съ преступностью, стремится облечь эти средства въ соотвѣтствующую правовую форму. Исходя изъ положенія, представляющагося основной гарантіей защиты свободы лич-

¹⁾ Весьма справедливо Stoos характеризуетъ значеніе уголовной политики, говоря: „sie ist also die Lehrerin des Strafgesetzgebers (см. *Elo*, Was ist Kriminalpolitik в *Zeitschrift für Schweizer Strafrecht*, VII Jahrgang, 1894, стр. 228).

ности отъ произвола и насилія „nullum crimen sine lege, nulla poena sine lege“, она заботится объ обозначеніи точными признаками тѣхъ дѣяній, которыя почитаются преступными, и устанавливаетъ такимъ образомъ возможность отличить эти дѣянія въ ряду другихъ дѣяній, съ уголовно-правовой точки зрѣнія безразличныхъ, возможность отличить одну группу этихъ дѣяній отъ другой. Она, далѣе, точно опредѣляетъ тѣ мѣры, которыя могутъ быть примѣнены къ преступникамъ въ виду совершеннаго ими дѣянія, регулируетъ способы и условія примѣненія той или другой изъ этихъ мѣръ. Она, наконецъ, не ограничивается изученіемъ всѣхъ этихъ вопросовъ, входящихъ въ область т. н. матеріальнаго уголовного права. Она останавливается еще и на изученіи процессуальныхъ вопросовъ, уголовного процесса—нормъ, регулирующихъ примѣненіе матеріальнаго уголовного права. Она не оставляетъ безъ разсмотрѣнія и изученія и вопросъ о вознагражденіи лицъ, потерпѣвшихъ отъ преступленія, вопросъ, относящійся къ области уголовного, а не гражданского права¹⁾. Словомъ, всестороннимъ изученіемъ юридической стороны непосредственной борьбы общества съ преступностью, съ индивидуальнымъ факторомъ преступленія, и облеченіемъ этой борьбы въ соответствующую правовую форму исчерпывается содержаніе уголовной догматики.

Таково содержаніе науки уголовного права, таковъ ея объемъ, таковы тѣ задачи, къ разрѣшенію которыхъ она стремится.

Нельзя сказать однако, чтобы намѣченные мною для науки уголовного права границы были въ настоящее время общепризнанными.

¹⁾ Ce droit à une réparation, à raison de sa communauté d'origine avec l'infraction, rentre, à bien des points de vue, dans le domaine du droit criminel, справедливо замѣчаетъ Гарро (см. *Ею*, Précis de Droit Criminel, V Edition, 1895 г., стр. 2).

И на западѣ, и среди нашихъ отечественныхъ криминалистовъ встрѣчаются воззрѣнія, стремящіяся ссузить область науки уголовного права путемъ выдѣленія изъ нея криминалогіи и уголовной политики, воззрѣнія, относящія къ наукѣ уголовного права лишь послѣднюю изъ указанныхъ мною ея отраслей.

Такое разнорѣчіе въ взглядахъ на объемъ науки уголовного права не представляетъ изъ себя ничего удивительнаго; оно весьма естественно; оно объясняется молодостью нашей науки, тѣмъ быстрымъ ростомъ, которому она подверглась въ послѣднее двадцатипятилѣтіе, освободившись отъ оковъ сковывавшей ея метафизики и вступивъ на путь проложенный естествознаніемъ.

Типическимъ сторонникомъ такого суженія области науки уголовного права можно считать лейпцигскаго профессора Биндинга.

Наука уголовного права, по Биндингу, занимается изученіемъ положительнаго уголовного права, его уясненіемъ, его систематизаціей, его критической оцѣнкой и только ¹⁾. Что этимъ занимается наука уголовного права, я не отрицаю, но что этимъ и только этимъ исчерпывается все ея содержаніе, я сомнѣваюсь.

Не говоря о томъ, что при такомъ опредѣленіи границъ науки уголовного права, понятіе этой науки, какъ науки, уничтожается, такъ какъ наукой можетъ быть названо лишь изученіе, имѣющее цѣлью раскрытіе естественныхъ законовъ, управляющихъ изучаемыми явленіями, а не простое конструированіе понятій, систематизація и критическая оцѣнка; не говоря объ этомъ, нельзя не замѣтить, что вмѣненіе наукѣ въ обязанность (а это дѣлаетъ Биндингъ) изучать уголовно-правовыя положенія не только съ точки зрѣнія *de lege lata*,

¹⁾ См. Binding. Handbuch des Strafrechts, Erster Band, 1885 г., стр. 6 и слѣд.

но и съ точки зрѣнія *de lege ferenda* приводятъ къ необходимости установить для послѣдняго изученія соотвѣтствующія устои. Гдѣ же наука найдетъ эти устои? Какъ она можетъ ихъ создать, ограничивая, сообразно указаніямъ Биндинга, область своихъ изслѣдованій? Не будетъ ли она черпать ихъ въ указаніяхъ „чистаго разума“? Но этотъ источникъ — крайне ненадежнаго свойства: историческій процессъ развитія науки уголовного права, впитавшей въ себя, благодаря этому источнику, цѣлую серію крайне схоластическихъ, съ жизнью ничего общаго неимѣющихъ положеній, служить разительнымъ тому доказательствомъ.

Если апіористическія положенія представляются непригодными устоями, то весьма естественно, что такихъ устоевъ слѣдуетъ искать въ результатахъ опытныхъ изслѣдованій — въ криминалогіи и уголовной политикѣ.

Признавая значеніе за криминалогическими (уголовно-соціологическими и уголовно-антропологическими) и уголовно-политическими изслѣдованіями и связь ихъ съ уголовно-догматическими (уголовно-правовыми), сторонники указаннаго мною суженія (напр., Алимена, Таганцевъ и Сергѣевскій¹⁾) указываютъ, что эти изслѣдованія не могутъ быть соединены въ одну науку въ виду существующаго между ними различія въ методахъ и преслѣдуемыхъ ими задачахъ.

Эти соображенія врядъ ли основательны.

Методъ изслѣдованія не представляется характернымъ признакомъ отличія одной науки отъ другой, такъ какъ всякая наука пользуется для своихъ изслѣдованій, по мѣрѣ надобности, то тѣмъ, то другимъ методомъ — то индукціей, то дедуціей²⁾. Наконецъ, что касается методологій въ наукѣ

¹⁾ См. *Сергѣевскій*, Русское Уголовное Право, С.-Петербургъ, 1887 г. стр. 9. *Таганцевъ*, Лекціи по Русскому уголовному праву, выпускъ I. 1887 г. стр. 8.

²⁾ „Je crois“, замѣчаетъ Гарро по поводу употребленія индуктивнаго и

уголовнаго права, то нельзя не замѣтить, что эта наука даже и до образованія криминалогическихъ и уголовно-политическихъ доктринъ не могла всегда оперировать при посредствѣ одной дедукціи, а пользовалась въ широкихъ размѣрахъ и индуктивнымъ методомъ при изученіи тюремныхъ вопросовъ.

Что же касается различія преслѣдуемыхъ этими изслѣдованіями задачъ, то нельзя не замѣтить, что это различіе обнаруживается только при разрѣшеніи непосредственныхъ задачъ, а не въ конечныхъ цѣляхъ. Въ конечныхъ цѣляхъ эти изслѣдованія совпадаютъ, несовпаденіе же въ непосредственныхъ задачахъ, стоящихъ на пути къ достиженію общей конечной цѣли, какого бы то ни было значенія имѣть не можетъ: всякая наука, стремясь къ опредѣленной цѣли, останавливается надъ разрѣшеніемъ цѣлой серіи крайне разнородныхъ, но тѣсно другъ съ другомъ связанныхъ задачъ.

Такимъ образомъ, соображенія, говоряція въ пользу суженія области нашей науки, для меня представляются неубѣдительными.

Между тѣмъ въ то же время я нахожу цѣлую серію соображеній въ пользу соединенія криминалогическихъ, уголовно-политическихъ и уголовно-догматическихъ доктринъ въ единое цѣлое.

Всѣ эти доктрины тѣсно связаны другъ съ другомъ, всѣ онѣ обуславливаются однимъ и тѣмъ же паталогическимъ явленіемъ общественной жизни—преступленіемъ, всѣ онѣ оперируютъ надъ однимъ и тѣмъ же объектомъ—надъ изученіемъ и уясненіемъ борьбы съ преступностью, разлагая только этотъ объектъ, въ интересахъ его изученія, на составныя части, всѣ онѣ проникнуты единой общей цѣлью.

дедуктивнаго методовъ, „qu'il faut les combiner et non les exclure“ (см. *Ею*, Précis de Droit Criminel, V Edition, 1895, стр. 7).

Эта общая цѣль заключается въ стремленіи придти на помощь обществу въ его борьбѣ съ преступностью, указать ему средства и пути для защиты себя отъ разрушительнаго ея воздѣйствія. Съ этой цѣлью изучаются причины преступной дѣятельности, организуются средства противодѣйствія этой дѣятельности, устанавливаются нормы, регулирующія процессъ этого противодѣйствія.

Я сказалъ, что эти изслѣдованія тѣсно другъ съ другомъ связаны. И дѣйствительно, безъ криминалогическихъ изысканій невозможно построеніе уголовно-политической доктрины: только зная причины преступной дѣятельности и ихъ характеръ, возможно установить соотвѣтствующіе способы борьбы съ ней; ученіе современной уголовной политики, напр., о необходимости созданія двухъ особыхъ категорій мѣръ борьбы съ индивидуальнымъ факторомъ преступной дѣятельности, мѣръ борьбы съ преступностью острой и мѣръ борьбы съ преступностью хронической¹⁾—есть прямое слѣдствіе криминалогическихъ изысканій, и можетъ оно быть объяснено только результатами этихъ изысканій. Далѣе, всякое положеніе уголовной политики пріобрѣтаетъ практическое приложеніе лишь путемъ облеченія его въ правовую форму, вслѣдствіе чего положенія уголовной догматики, являясь воплощеніемъ тѣхъ или иныхъ уголовно-политическихъ началъ, не могутъ быть иначе уяснены, какъ при посредствѣ данныхъ уголовной политики; ученіе о наказаніи, напр., не можетъ быть научно обосновано безъ помощи экскурсій въ область уголовной политики; нельзя безъ этихъ экскурсій научно обосновать и облечь въ соотвѣтствующую правовую форму вопросъ объ условіяхъ примѣненія того или иного карательнаго средства, объ установленіи его размѣра и проч. Такія же экскурсіи необ-

¹⁾ См. Garraud, Le Problème moderne de la pénalité, 1889, Paris.

ходимы и при разрѣшеніи вопросовъ, относящихся къ ученію о преступленіи, напр., вопросовъ о вмѣненіи, покушеніи, соучастіи. Обусловленный этими экскурсіями взглядъ на преступленіе какъ на симптомъ, свидѣтельствующій о существованіи въ данномъ индивидѣ извѣстнаго рода преступныхъ наклонностей, отражается на построеніи ученія о покушеніи, усиливая значеніе субъективнаго момента при разрѣшеніи относящихся къ этому ученію вопросовъ; вытекающая изъ этихъ экскурсій потребность индивидуализаціи карательныхъ средствъ не можетъ не оказать вліянія на построеніе ученія о соучастіи, а установленная этими экскурсіями причинность въ области преступной дѣятельности влечетъ за собою построеніе ученія о вмѣненіи на детерминистическихъ началахъ.

Наконецъ, только при посредствѣ уголовно-политическихъ соображеній возможно установить границы, отдѣляющія преступное отъ непроступнаго, возможно установить различіе между уголовной и гражданской неправдами и, такимъ образомъ, установить и обозначить необходимыя для примѣненія уголовно-правовыхъ нормъ предѣлы.

Слѣды криминалогическихъ и уголовно-политическихъ доктринъ, несмотря на ихъ сравнительную юность, начинаютъ сказываться на практическомъ приложеніи уголовной догматики—на современномъ уголовномъ законодательствѣ; принятіе, напр., большинствомъ западно-европейскихъ законодательствъ т. н. института условнаго осужденія¹⁾, установленіе французскимъ законодательствомъ релѣгаціи для рецидивистовъ—разительные примѣры этого вліянія.

Вообще, тѣсная связь и зависимость между криминалогическими, уголовно-политическими и уголовно-догматическими доктринами, думается мнѣ, въ высшей степени очевидна.

¹⁾ См. *мог.* Объ условномъ осужденіи, или системѣ испытанія, Одесса, 1894 г.

Она признается многими изъ современныхъ криминалистовъ, каковы, напр., Гарро, Гуаклеръ, Готье, Листъ, Принсъ, Валь Гаммель и многіе друг. ¹⁾

Въ соединеніи этихъ доктринъ въ единую общую науку, такимъ образомъ, никакихъ препятствій не встрѣчается. Это соединеніе вполнѣ соотвѣтствуетъ современнымъ научнымъ теченіямъ, современной разработкѣ уголовно-правовыхъ вопросовъ. Оно объединяетъ эти теченія. Оно допускается и защищается выдающимися криминалистами нашего времени, каковы, напр., Ферри, Гарро, Листъ и др. ²⁾

Это соединеніе, не нарушая и не уничтожая самостоятельнаго значенія криминалогическихъ, уголовно-политическихъ и уголовно-догматическихъ доктринъ, взаимно дополняетъ каждую изъ этихъ доктринъ и придаетъ имъ характеръ единой позитивной науки въ истинномъ смыслѣ этого слова.

¹⁾ Вотъ какъ, напр., описываетъ эту связь французскій криминалистъ Гуаклеръ: „Le Droit ne peut se suffire à lui-même. La loi seule ne lui fournit pas les éléments voulus pour une systématisation exacte, ni surtout pour une saine application. Il est nécessaire de s'appuyer sur des principes supérieurs afin que chaque branche du Droit soit bien adaptée au but qu'elle doit remplir, que chacune soit toujours en harmonie avec les autres et que toutes ensemble concourent à leur fin commune. Et c'est à la Politique que l'on devra recourir. Par sa définition même, elle est, en effet, l'art de poser les principes qui dominent l'étude et l'application des lois particulières. Mais la Politique, elle-même, ou trouvera-t-elle le fondement des ses théories: d'où tirera-t-elle ses règles? C'est ici qu'intervient la Sociologie et que se manifestent ses rapports avec le Droit par l'intermédiaire de la Politique“.... См. Bulletin de l'Union internationale de Droit Pénal, IV Volume, Février 1893, стр. 43.

²⁾ См. Liszt, Lehrbuch des deutschen Strafrechts, V Auflage, 1892 § 1. Garraud, Précis de Droit Criminel, V Edition, 1895, pag. 8. Ferri, La Sociologie Criminelle, Paris, 1893. „L'anthropologie et la statistique criminelle“, заимствуетъ Ферри (см. 579 стр. названнаго сочиненія), „aussi bien que le droit criminel et pénal, ne sont que les chapitres d'une science unique qui a pour objet l'étude du délit comme phénomène naturel et social et partant juridique, et l'étude des moyens les plus efficaces pour la défense préventive et répressive contre le crime même“.

Такой объемъ наука уголовного права приобрѣла сравнительно недавно ¹⁾.

Движеніе, возродившее уголовно-правовую доктрину, поднявшее ее на высоту позитивной науки, началось въ послѣднее двадцатипятилѣтіе въ Италіи. Оно связывается съ именемъ туринскаго профессора судебной медицины Ломброзо, занявшагося изученіемъ характера и особенностей преступнаго люда. Оно повлекло за собою развитіе на итальянской почвѣ позитивной школы уголовного права, виднымъ представителемъ которой слѣдуетъ признать итальянскаго криминалиста Ферри. Оно способствовало развитію и разработкѣ уголовно-правовыхъ вопросовъ на французской почвѣ (Лионская школа съ Лаккасанемъ во главѣ). Оно вызвало возрожденіе уголовной политики на германской почвѣ (Листовская школа). Оно, наконецъ, вызвало изученіе уголовно-правовыхъ вопросовъ на съѣздахъ и конгрессахъ.

Эта совокупная работа ученыхъ и возродила уголовно-правовую доктрину, создала позитивную науку уголовного права.

Въ современномъ своемъ очертаніи эта наука представляется въ нѣкоторомъ родѣ общественной паталогіей, ибо она изучаетъ одну изъ тяжкихъ язвъ общественной жизни— преступленіе, общественной гигиеной, ибо она изучаетъ и указываетъ способы противодѣйствія образованію и развитію преступленій, и общественной медициной, ибо она изучаетъ и устанавливаетъ средства непосредственной борьбы съ преступностью.

¹⁾ Стремленіе къ установленію такого объема науки уголовного права сказывается въ нашей литературѣ еще въ началѣ семидесятыхъ годовъ. Такъ, *Духовской* въ своей лекціи о задачахъ науки уголовного права (см. *сю*, Задачи науки уголовного права, Ярославль, 1872, стр. 32 и слѣд.) говоритъ: „Уголовное право изучаетъ преступленіе, узнаетъ причины его появленія и указываетъ государству средства, годныя къ предупрежденію этого явленія“.

Отсюда понятно то въ высшей степени серьезное значе-
ніе, которое имѣетъ эта наука для общественной жизни:
освѣщая, направляя и регулируя общественную борьбу съ
преступностью, она стоитъ на стражѣ индивидуальных и
коллективныхъ интересовъ; она заботится о развитіи и укрѣп-
леніи міра и порядка—этихъ необходимыхъ условий обще-
ственного благополучія, общественного прогресса.